

Сергей ТРИЦЕНКО

Я-НАЧАЛЬНИК
ТЫ - ДУРАК

@ЭЛИТА

12+

Сергей Трищенко Я – начальник, ты – дурак (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7388622

Тищенко С. Я начальник – ты дурак. Сборник фантастических рассказов: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Рассказы, входящие в сборник «Я начальник – ты дурак» Сергея Трищенко, похожи на рассказы из сборника «Реставраторы миров» того же автора как могут быть похожи действительно хорошие произведения: они немного парадоксальны, немного ироничны, немного реалистичны, немного... фантастичны.

Всё описываемое происходит вокруг нас. Или когда-то происходило. Или, может быть, произойдёт. Хотя иногда лучше, чтобы не подобного не случилось...

Каждый рассказ затрагивает какую-то одну сторону нашей действительности, или её часть, а то и вовсе не затрагивает, а лишь намекает на существование таковой.

Рассказов в сборнике много, но большинство из них или короткие или очень короткие, и хотя бы поэтому читатель соскучиться просто не успеет. Но вспомните, что Чехов говорил о краткости!..

Содержание

Распутанное дело	4
Часть 1. Унылость ночи	4
Часть 2. Несостоявшееся кофепитие	5
Часть 3. Домашние ужасы	7
Часть 4. У детектива	9
Персей	11
Коллекционер	15
Кто казнит палача?	19
В лесу родилась Ёлочка	21
Абсолютная неуязвимость	22
Мастер и Маргарита – Маугли	23
Новый дворник	24
Невидимки	26
Ошибка киллера	28
Увлечение ретро	29
Граната в троллейбусе	30
Садртир	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Трищенко

Я начальник – ты дурак (сборник)

Распутанное дело

Часть 1. Унылость ночи

Призрачная луна, спотыкаясь, осторожно пробиралась сквозь лабиринты лоскутных туч над полуразрушенным замком. Казалось, развалины отражаются в небесах: россыпи камней весьма напоминали изорванные лохмотья облаков. Или наоборот.

Летучие мыши чертили быстрые дуги на тёмно-синем, постепенно чернеющем фоне, временами исчезая из поля зрения.

Издалека донёлся тоскливый вой шакала, и замер, не отразившись от стен. Пахло болотным газом и сырими подземельями.

Вдоль стены, слабо хрустя подошвами по давно разбитому кирпичу, пробиралась тёмная фигура человека. Шляпа с широкими полями, длинный плащ – вот и всё, что удавалось рассмотреть на фоне сереющих холодных стен. Тёплый «кольт» в кармане плаща, постоянно подогреваемый рукой, был, конечно, не виден.

Но не для нечеловеческих глаз.

Они внимательно, не щурясь, созерцали убийцу. Убийцу – потому что человек этот уже убивал, и убивал неоднократно. И сюда пришёл, чтобы убить. Он шёл, не зная, что сам станет жертвой...

Тяжёлое тело мягко упало сверху, загоняя в горло едва появившийся крик, и сознание сразу погрузилось во мрак. Выхватить оружие киллер не успел – блестящая реакция дала осечку.

Несколько секунд тишина нарушалась лишь шипением воздуха, выходящего из разрезанного горла. Затем последовало мягкое падение и бульканье, вновь сменившееся тишиной... Сухие кирпичи темнели, быстро впитывая влагу. Ночью цвет крови неразличим на красных кирпичках.

Жертва ждала своего убийцу, не предполагая ни о том, что она – жертва, ни что ожидаемый – её убийца. И так и осталась в неведении. Не пришёл... Ну, и не пришёл – что же? Он ведь и говорил: «Могу не прийти». Вот и смог.

Взглянув на часы – половина первого ночи – ожидавший выбросил недокурную сигарету – она огненной дугой разорвала окружающую черноту, которая ещё плотнее сомкнулась вслед, – и пошёл к оставленному пустому автомобилю, чуть пофыркивающему мотором от нетерпения. «Встреча не состоялась. Ну что же, есть ещё запасной вариант», – человек сел, развернул машину и повёл по направлению к городу.

А труп уже начал остывать в темноте холодных камней, и летучие мыши по-прежнему чертили над ним свои нескончаемые дуги.

Часть 2. Несостоявшееся кофепитие

Автомобиль мчался по пустынной магистрали, изредка озаряемый огнём встречных фар, которые слабо разнообразили ночной пейзаж, или, вернее, его полное отсутствие. Улицы тоже были почти пустынные, а те редкие прохожие-полуночники, что встречались по пути, не обращали никакого внимания на проезжавший автомобиль, как будто его и не было. Или их.

Оставив машину у ворот явочного дома, Гиббс отворил узкую узорчатую калитку ограживающего садик невысокого забора и пошёл по неосвещённой аллейке. Сад охватил его тишиной, в которой растворялись последние тревоги и сомнения. Проходя мимо молчаливых деревьев, Гиббс впитывал их молчание и успокаивался. Встречи не произошло. Что ж, она состоится позже.

Окна особняка светились. «Дома», – подумал Гиббс, и, нащупав ключ, медленно открыл дверь. Она слабо скрипнула.

Гиббс знал, что его появление не будет сюрпризом, и потому надеялся, что его встретят. Но в холл никто не вышел. Немного удивлённый, Гиббс повесил плащ на пустынную вешалку и прошёл в столовую. Вторично скрипнула дверь.

Его ждали: на столе покоилось большое блюдо с разнообразными бутербродами и две тарелки – с ломтиками ветчины и свежеприготовленными тостами. Над стоящими на столе – разносторонним треугольником – чашками поднимался лёгкий дымок.

Гиббс улыбнулся, но улыбка замерла на губах, словно испугалась. В комнате никого не оказалось.

«Почему три? – подумал Гиббс и подошёл поближе, – Чай или кофе?»

Он наклонился над столом. От чашек струился кверху ароматный парок – кофе, – но чашки были пусты. Гиббс заглянул сверху. Пусто. Парок щекотнул глаз и исчез.

Гиббс осторожно притронулся пальцем. Чашки были сухие и холодные.

Из ванной послышался слабый плеск воды. Гиббс удивился: как он не услышал его ранее? – и направился к двери. Плеск нарастал. Гиббс подошёл к двери, постучал. Плеск смолк.

– Марта! – позвал Гиббс. За дверью было тихо. Даже не шуршало полотенце. Гиббс осторожно потянул на себя дверь – она чуть скрипнула – и заглянул в щёлочку.

Ванная была пуста, суха и ледяным холодом тянуло от её белых поверхностей. Стены покрывал толстый слой инея.

Удивлённый, Гиббс заглянул в спальню. Там горел какой-то бледный, неестественный свет. Гиббс пощёлкал выключателем, лампы под потолком то вспыхивали, то гасли, но гнезущее освещение не пропадало: должно быть, у него был другой источник. Кровать стояла аккуратно застеленная, всё выглядело абсолютно пристойно, и только один угол подушки был выпачкан чем-то красным.

«Что произошло? – подумал Гиббс, и на всякий случай посмотрел на обычно висящие на стене часы. Сейчас часов не было.

Почти физически ощущая спиной присутствие чего-то вокруг, Гиббс завертелся на месте, оглядывая все тёмные углы и закоулки, из которых могла выползти опасность.

Что-то тягучее и липкое обволакивалось вокруг него, но он по-прежнему ничего не видел и не слышал. Преодолевая незримое сопротивление, Гиббс бросился обратно в столовую. Каждый шаг давался с ощутимым трудом, он словно ступал по глубокой воде. Что-то притягивало его и не отпускало. Цепляясь руками по стене и за все предметы, встречающиеся на пути, он ухватил со столика, где обычно лежала телефонная книга, засохший букетик цветов и машинально понюхал. Цветы пахли фиалками.

И сразу наваждение отпустило его. Лампочки, мигнув, загорелись ровным светом, в воздухе повеяло лёгким ароматом духов, и откуда-то издали заструилась негромкая классическая музыка. Шуберт.

«Что со мной происходит?» – подумал Гиббс. Неужели несостоявшаяся встреча так выбила его из колеи, что стала мерещиться всякая чертовщина? А он-то считал, что нервы у него крепкие.

В руке он до сих пор сжимал схваченный букетик. Медленно, словно боясь, поднёс к носу и понюхал ещё раз. Сухой запах пыльных цветов. Маленький лепесток оторвался, и, кружась, опустился на пол.

Гиббс вернулся в столовую.

Чашки продолжали дымиться, но блюда с бутербродами, ветчиной и тостами теперь стояли пустыми.

Над головой, на крыше, что-то заскрежетало – как будто что-то большое проползло по железу, царапая когтями.

«Крыша-то – черепичная», – тупо подумал Гиббс. Сразу, словно отвечая его мыслям, за окном послышались глухие удары: что-то падало с крыши и ударялось о землю. Инстинктивный взгляд, брошенный Гиббсом в окно, оледенел: под кругом фонаря, на земле и в траве, местами покрывавшей иссохшую землю, лежало несколько белых человеческих черепов, другие ещё падали и продолжали катиться, описывая кривые дуги.

С трудом отломив ледяные сосульки взгляда от окна, Гиббс направил глаза в комнату – отыскивать выход. Перед ним всё шаталось и дрожало. Но, возможно, шатался и дрожал он сам.

Его глаза шарили по стенам и никак не могли отыскать чёрный прямоугольник двери. Дверь исчезла. Не стало и окна, а сквозь стены начали проступать противные сине-бурые разводы.

Сделав несколько шагов, Гиббс натолкнулся на стол и схватился за него руками, тупо уставясь на скатерть. На пустом блюде лежал нож. Лезвие быстро покрывалось кровью.

Мгновенно наступила темнота, а затем погас свет. И в воцарившейся тьме Гиббс почувствовал, как что-то холодное и лохматое коснулось сзади шеи. Дико вскрикнув, он бросился вперёд, ударился о стену, перекатился по ней, чтобы встретить опасность лицом, вылетел через дверь в холл, наткнулся на вешалку, сорвал встретившийся рукам плащ, выскочил наружу и прогрохотал по ступенькам.

И остановился перед домом, оглядываясь – бледный, дрожащий, с колотящимся сердцем.

Сад был спокоен. Мягкий свет фонарей слегка освещал припорошённые песком дорожки, стены дома и чёрные стеклянные квадраты окон. На лужайке перед окнами столовой ничего не было – никаких черепов.

«Что за чертовщина?» – подумал Гиббс, но возвращаться не захотел. На улице заработал мотор машины. «Угоняют!» – мелькнуло в голове у Гиббса, и он бросился по аллейке к входу. Вылетев на улицу, он остановился.

Машина стояла на месте, безмолвная, с потушенными огнями. Внутри никого не было видно. Момента, когда остановился двигатель, Гиббс не уловил. А работал ли он? Гиббс взялся за ручку двери – она была холодная, как и положено металлу, оставленному на улице. Гиббс оглянулся на дом. Окна не светились, за ним никто не гнался. Возвращаться не хотелось.

Открыв дверцу, бросив плащ на соседнее сиденье и сев за руль, Гиббс почувствовал, что в салоне машины пахнет дорогими сигарами. Перегнувшись через сиденье, он посмотрел назад. Ни на заднем сиденье, ни между ними, на полу, никого не было. Переведя взгляд влево, на соседнее сиденье, на которое бросил плащ, Гиббс вздрогнул. Плащ был не его.

Часть 3. Домашние ужасы

Домой Гиббс попал только под утро, причём плохо помнил, что происходило с ним в остаток ночи – кроме того, что цеплялся за руль, поворачивая то вправо, то влево, пытаясь проехать к дому, а вместо этого раз за разом проезжал по одному и тому же пыльному переулку, и тучи пыли, поднятые при предыдущем проезде, не успевали осесть, и хорошо прорисовали снопы света от фар автомобиля. Лишь с рассветом, на последних каплях бензина, удалось затормозить у собственных ворот – наваждение отпустило.

Он облегченно вздохнул, когда удалось выбраться из автомобильной круговерти и увидеть вдали знакомую ограду. Но всё оказалось немножко иначе.

Дом встретил его неприятной неожиданностью: Топ, любимая собака Гиббса, завяз между калиткой и столбом, выглядывая оскаленной пастью на улицу. Нечего было и думать о том, чтобы оживить пса.

Гиббс открыл калитку, и Топ упал два раза: передняя часть на улице, а задняя – во дворе, в другую сторону.

Гиббс не стал останавливаться над собакой: происшедшее прошлой ночью переменяло его. Он лишь подумал, что собака, наверное, хотела выйти...

Пройти по двору неожиданно оказалось проблемой: двор словно избородили в разных направлениях гигантские когти, куски асфальта и бордюрные камни – бордосский гранит! – лежали в абсолютном беспорядке. Но земля успела подсохнуть – значит, несколько часов после случившегося прошло. Но что могли дать эти сведения?

Гиббс посмотрел на дуб, простёрший над разгромом могучую ветвь, и привычно подумал, что на ветви хорошо смотрелся бы удавленник. Но того по-прежнему не было, и Гиббс, посетовав на несовершенство мира, прошёл дальше, направляясь к дому.

Проходя мимо трансформаторной будки, он остановился: показалось, будто трансформатор как-то странно гудит.

Он открыл дверь – на ней почему-то не оказалось замка, – ржавые петли взвизгнули – и заглянул внутрь. На шинах трансформатора, между контактами, висел незнакомый молодой человек и гудел. Глаза его были мечтательно прикрыты, левая рука почернела и дымилась. Правой не было вовсе – отгорела.

Гиббс осторожно прикрыл дверь, чтобы не беспокоить незнакомца и отрешённо подумал о том, что подобное могло произойти и с Жозефиной: она не понимала электричества.

Он нашёл жену размазанной по потолку в гостиной – и достаточно ровным слоем. Но формы, в общем, угадывались, пропорции были соблюдены, так что всё походило на нелепый барельеф.

Произошло и кое-что ещё.

Все имеющиеся в доме мухи были аккуратнейше раздавлены на оконных стеклах, а тараканы, с которыми Гиббс безуспешно вёл длительную дорогостоящую борьбу, ровными рядами рыжих клякс покрывали розовые стены столовой.

Гиббс не поленился и сосчитал их. Оказалось 87 рядов по 326 тараканов в каждом. Перемножить Гиббс не стал, решив, что в данный момент это несущественно.

Несколько мышек, к удивлению Гиббса – «значит, у нас были мыши?» – висели на хрустальной люстре, связанные попарно за хвостики. Кошка мяукала где-то в дымоходе. Она оказалась единственным живым существом в доме, оставшимся в живых. Её блохи – «так у неё были блохи?» – лежали чёрной кучкой в хрустальной вазе для фруктов. Их Гиббс считать не стал принципиально.

У порога пустой спальни лежал премиленький розовый плетёный коврик, на котором угадывалось чьё-то лицо. Присмотревшись, Гиббс скорее догадался, чем узнал, что это он

сам. Коврик был сплетён из дождевых червей. Рядом на стенке висел гобелен из садовых гусениц, изображающий фавна, играющего на свирели на берегу ручья. Или играющего на берегу ручья на свирели.

На кухню заглянуть не удалось: её до потолка заполнял пух из распоротых перин, ровно окрашенным порошком какао в приятный светло-бежевый цвет.

Больше в доме делать было нечего.

Гиббс освободил кошку из дымохода – совершенно чёрную. Она очумело посмотрела на него, задрала хвост трубой и выскочила в окно, оставив чёрные следы на подоконнике.

«К психиатру или к частному детективу? Куда направиться вначале? Может, всё это кажется? Кто в здравом уме способен сотворить такое?»

В полицию Гиббс решил не обращаться – полицейские, для облегчения собственной работы, первым делом заподозрили бы его самого, и, прежде чем они это рано или поздно сделают, ему хотелось узнать обо всём самому. Если не о происходящем, то хотя бы о себе.

Ткнув пальцем в первую попавшуюся строчку телефонной книги, обнаруженной, как ни странно, под телефоном, Гиббс отправился по указанному адресу.

Часть 4. У детектива

Медная табличка над дверью гласила: «Детектив-психиатр».

«Мне повезло», – подумал Гиббс. Фамилию прочитать он не успел: её украшали разнообразными завитушками, а дверь уже открывалась. Позвонить он не успел.

– Я специализируюсь на преступлениях, совершенных людьми с болезненной психикой, против людей с болезненной психикой, а также совершённых в психике человека – безразлично, им самим, или другими людьми, – представился врач Гиббсу, когда они устроились в кабинете: Гиббс в кресле, а детектив – на столе.

– Значит, мне к вам и надо, – проникновенно сказал Гиббс. – Мне кажется, я стал жертвой направленных галлюцинаций. Со мной происходит такое, чего никак не может произойти на самом деле.

– Ничего подобного, – доктор помотал головой. – То, что произошло с вами, вполне естественно. Немного необычно – да, но естественно. То есть всё происходило реально, вам ничего не казалось.

Гиббс опешил.

– Откуда вы знаете?

Детектив улыбнулся.

– Очень просто: никаких других событий за последнее время не произошло, и вы неизбежно должны были прийти ко мне. С этого всё началось? – он протянул Гиббсу газету, в которой была отчеркнута красным небольшая заметочка:

«Сегодня, вблизи развалин старого замка, обнаружен труп молодого мужчины с прокушенной шеей. У несчастного выпита вся кровь. Неподалеку обнаружена его машина с испачканным кровью капотом. Предполагается, что преступники убили его на капоте собственной машины».

– Так вот почему я его не дождался! – воскликнул Гиббс. – Его убили вампиры!

– Вы верите в вампиров? – быстро спросил доктор.

– Но вы же видите, – Гиббс указал на газету, – выпили кровь.

– Ерунда. В наше время верить в вампиров... Их не существует. Это сделал его собственный автомобиль. Покойный, должно быть, плохо обращался с ним: не чистил, не смазывал, а заправлял, вероятно, низкооктановым бензином. Последнее может сильно повлиять на поведение машины. Она оглушила его крышкой капота – вы знаете, там стоит очень сильная пружина, – а потом, стремясь поднять октановое число топлива, выпил кровь. Карбюратором. Тот, как известно, обладает хорошим всасывающим действием – если правильно отрегулирован.

Гиббс был ошеломлен. А врач-детектив продолжал:

– Чтобы обеспечить себе алиби, автомобиль просто остался на месте преступления. Если бы он уехал, его стали бы искать, посчитав угнанным. А так – его просто отволокли на ближайшую свалку: кто купит автомобиль убитого, да ещё в таком состоянии? Но я крайне сомневаюсь, что он там остался. Надо будет проследить его дальнейшую судьбу... Скорее всего, автомобиль под покровом ночи покинул свалку и отправился на юг.

– А... а мой дом? – Гиббс выглядел более растерянным, чем обычно. – Кто натворил там столько безобразий?

– Кошка, – веско сказал детектив, – Кошка. Как только вы рассказали мне свою историю, мне сразу показалось странным, что изо всех живых существ в доме уцелела одна она.

– Как... почему она это сделала?

– Её обидела ваша жена. Тот молодой человек – в трансформаторной будке – любовник вашей жены. Она так спешила открыть ему дверь, что наступила на кошку. И забыла накормить её.

– Но как такая маленькая кошечка...

– Она увеличилась. Есть анаболики, витамины, масса других препаратов. В сочетании с тонизирующим облучением и массажем это может дать поразительные результаты.

– Да-а...

– А потом, когда действие препаратов закончилось, она вернулась к прежним размерам.

– А клопы и тараканы?

– Это она развлекалась.

– А... у Марты?

– Чашка.

– Что-о? – Гиббс почувствовал, что его глаза медленно вылезают на лоб.

– Да. Вы должны знать, – наставительно произнес доктор-детектив, – что в каждом сервизе содержится минимум шесть чашек. Вы говорите, что на столе стояло три. Одну разбили вы – в прошлый раз, а одна... была разбита ещё до вас. Таким образом, одну чашку на стол не выставили...

– Это её обидело? – начал понимать Гиббс.

– Нет. Марта ждала вас и больше никого. На столе должно было стоять две чашки, Марта так и приготовила. Но эта четвёртая, последняя чашка, решила сделать всё по-своему. Именно то, что вы увидели.

Гиббс встал, и, пошатываясь, вышел из комнаты. В голове его шумело, и он никак не мог понять, где находится. Те объяснения, которые он только что получил от детектива, он принять не мог, а других не было.

А доктор-детектив, проводив Гиббса, встал, прошёлся по комнате, остановился – и на его лице зазмеилась странная улыбка.

Он кровожадно ухмыльнулся и вышел в соседнюю комнату, где, зажатая в тисках, обречённо ждала его четвёртая чашка из кофейного сервиза, которую он пытал, выкручивая ручку, чтобы добиться от неё новых подробностей этой невероятной истории...

Персей

Сам не пойму, чего вдруг мне в голову взбрела такая дикая мысль? Должно быть, повлияла возможность проверять самые невероятные гипотезы с помощью машины времени. Дождались, дорвались...

Но если некоторые маршруты превратились в чисто туристические – например, считалось хорошим тоном съездить узнать, действительно ли Колумб открыл Америку, или же всё ограничилось слухами среди современников, – то я для начала решил пройтись по древним мифам. Разумеется, их проверять труднее, но зато и удовлетворение во много раз больше: никто не верил, а я вот... Наверное, такое же удовлетворение испытывал Шлиман, когда открыл Трою – этот пример на языке у всех, кто хочет пуститься в какое-нибудь рискованное предприятие. И ведь никто не помнит – а многие не знают, – что раскопки он вёл отвратительно, любой начинающий археолог-профессионал надрал бы ему уши за подобный способ ведения раскопок, а вот поди ж ты! – никто об этом и не помнит... Победителя не судят... как это будет по-латыни? Не знаю, я специализируюсь на древнегреческом. Ну а теперь, с изобретением машины времени и вообще развернулся простор для проверки любых, самых идиотских, гипотез.

Причём чем глубже погружаешься в прошлое, тем охотнее дают разрешение: если и обнаружится какой хроноклазм, всё теряется в толщине веков. Замазывается, замыливается. Словом, утихает.

Пытались, правда, на первых порах эксплуатации МВ ввести термин «футуристическое загрязнение прошлого», да он не прижился. Контроль обязательный, конечно, ввели, все путешествия на строгом учете, разрешают только с научными целями или под наблюдением опытных хрононавигаторов, сдавших соответствующие экзамены.

Вот и я решил проверить древнегреческие мифы. А что? Чем я хуже? Кандидатскую я по ним пишу.

Первым – уж и не знаю, почему так получилось – я решил проверить миф об Андромеде, которую, как известно, спас Персей. В наше время в моду опять входило всё древнегреческое, так что моё путешествие было ещё и данью моде – отчасти. Но я за модой не следовал, а хотел лишь выяснить, имеет ли данный миф реальную основу под собой или нет. Короче, я заложил в память машины все известные мне (а значит, и современной науке) данные о тех временах, и стал ждать.

Ждать пришлось недолго: едва я освободил рычаг пуска, как перед моими глазами всё потемнело – это я погружался во тьму веков, – а затем мрак рассеялся, и я очутился на живописном морском берегу, освежаемый шумом прибоя.

«Это ж надо! – думал я, выбираясь из машины, – никакого загрязнения окружающей среды! Хоть подышу всласть!»

По одну сторону от меня клубился голубой туман силового поля, прикрывающий машину времени, а по другую к скале была прикована девушка. Она плакала, и капли слёз падали прямо в море.

– Андромеда! – позвал я на чистейшем древнегреческом.

Она повернула голову. Подумать только – и в честь такой красавицы назвали какую-то паршивую туманность! Разве это туманность? Черты лица у неё были ясные и чистые.

– Уходи отсюда, чужеземец, – прошептала она, – сейчас из моря вылезет дракон.

Акцент у неё, однако, был жутчайший.

– Разве мы в Шотландии? – поинтересовался я. По долгу профессии, будучи глубоко погружённым в собственную науку, я, конечно, имел представление о современных мифах, но не придавал им большого значения: не мой профиль. Андромеда, разумеется, ничего не

поняла из моей речи, хотя я старался выговаривать слова как можно тщательнее: просто она ничего не знала о Лох-Несси.

– Я пришёл освободить тебя, – произнёс я то, что она должна понять, не взирая на своё состояние. Я представляю: стоять и ждать, пока тебя сожрут...

Я подошёл и лазерным ножом аккуратно перерезал цепи на её запястьях.

– Пойдём?

– А дракон? Он ведь погонится за нами...

– Пустяки, – отмахнулся я, но вовремя спохватился. Её-то я спасу... Но если дракон действительно существует (я не мог утверждать наверняка, я не специалист, но он должен существовать, раз Андромеда этому верит – и тем более, что её приготовили ему на съедение), то он будет продолжать терроризировать окрестное население. Дракона надо уничтожить.

И я вызвал робота – специально захватил для схватки с драконом. В наше время человеку трудно убить живое существо – пропаганда общества охраны природы дала, наконец, свои плоды. А может, здешний дракон необходим для процветания биоценоза? Но этот вряд ли, раз он превратился в людоеда. Успокоив себя такими мыслями, я вызвал робота.

Робот был вооружён мечом – дань античной мифологии, которая, как теперь оказалось, являлась чётким отражением реальности. Да, но Персей убил дракона взглядом Медузы-Горгоны? Не прилетит ли на самом деле Персей сюда, и не окажусь ли я после всего сам в роли дракона?

Такая мысль, признаюсь, мелькнула, но я тут же затолкал её в глубины подсознания. Для этого надо, чтобы на свете существовали такие ужасные существа, как Горгоны, а также и Меркурий, подаривший Персею летающие сандалии, а подобного допустить я не мог. Куда делись бессмертные боги, если они существовали? Вымерли?

Скорее всего, действительно имевший место факт спасения Андромеды преломился – сквозь толщу тысячелетий – в сознании людей. А уж оно постаралось...

Я решил взять Андромеду с собой – иначе возник бы хроноклазм: дракон неминуемо съел бы её, если бы не я. То есть она просто обязана исчезнуть из данной реальности. Поэтому исчезновение Андромеды и сохранившийся труп дракона будет расценен людьми, как следует, так что никакого хроноклазма не возникнет. Всё будет, как в мифе.

Вода в море забурлила.

– Это дракон, – прижалась ко мне Андромеда.

«Что это может быть? – думал я. – Невымерший древний ящер? Диплодокус вульгарис? Ладно, покажу снимки специалистам, пусть разбираются».

Дракон вышел на берег. Четыре ноги, хвост, зубастая голова – всё, как положено у дракона. Я снимал непрерывно, для надёжности удерживая палец на спуске видеокамеры. Дракон уверенно полз к тому месту, где должна была находиться Андромеда. А теперь там стоял робот, сжимающий в руках острый-преострый меч с мономолекулярным лезвием.

«Смотри-ка, – подумал я, – у дракона уже условный рефлекс выработался. Видно, не одну девушку успел сожрать... Что же имена остальных в мифе-то не остались?»

Но времени размышлять не было: дракон приближался к роботу. Мои пальцы замерли на пульте управления.

Схватка оказалась короткой – да, по сути, и схватки никакой не было. Дракон наклонил голову – то ли чтобы обнюхать робота, то ли чтобы сразу проглотить, – а робот взмахнул мечом.

Голова дракона покатилась в одну сторону, тело забилось в конвульсиях в другой, а из перерубленной шеи фонтаном хлынула кровь, размывая песок. Меня замутило. Но я сдержался.

Мои пальцы, лежащие на пульте дистанционного управления – робот был совсем простенький, одноразового пользования – отдали команду поразить дракона в сердце, чтобы прекратить агонию. Робот выполнил команду и остановился, ожидая продолжения.

– В машину! – хотел скомандовать я, но замер: Андромеда, выпустив мою руку, бросилась к роботу и повисла у него на шее. – Что за новости? – изумился я.

– Спаситель мой! – запричитала Андромеда, покрывая забрызганный каплями драконьей крови корпус робота поцелуями. – Ты убил его!

Я был поражён.

– Андромеда, – сказал я, подойдя поближе, – это я убил его.

– Ты думаешь, у меня нет глаз? – сверкнула она ими на меня. – Он – мой спаситель, он убил дракона. Я сама видела!

– Но это же просто робот!.. – Я замолк. Как объяснить девушке, не знающей основ кибернетики, что такое робот? Я попытался объяснить ей по-другому:

– Это мой слуга... – ч-чёрт, это же всё равно. – Он не живой, Андромеда. Это механическая кукла. Вот смотри, – я переключил несколько кнопок на пульте, и робот медленно двинулся в море.

Андромеда смотрела на него с любовью.

Робот вошёл в море, смыл с корпуса кровь и вернулся.

– Видишь, он меня послушался.

– Но ты ему ничего не говорил!

Аргумент был неотразимый. Теперь я понял, что сделал две глупости: воспользовался тактильным управлением и покрыл корпус робота биопластиком, придав ему человеческий облик. Первое я сделал из соображений экономии, поскольку робот одноразовый, а второе – из-за моей нелюбви к безликим роботам. А оказалось, что я всё сделал по глупости. И теперь всё обернулось против меня. Андромеда влюблена в робота, тот не может ответить взаимностью, потому что даже не говорит. А я не могу доказать, что всё сделал именно я.

Что же делать? И на месте оставаться нельзя: придут ведь посмотреть, принята ли жертва. Я, конечно, мог остаться и прочитать лекцию о вреде суеверия, равно как и человеческих жертвоприношений, так ведь не поймут же!.. Несмотря на мой чистейший древнегреческий.

И тут у меня в голове мелькает спасительная мысль.

– Подожди здесь, Андромеда, – говорю я, хотя во фразе нет и доли здравого смысла: ведь я не собираюсь возвращаться сюда. То есть в данный момент времени.

– В машину! – командую я роботу и самому себе, и скрываюсь в тумане силового поля. Андромеда недоуменно смотрит мне вслед.

Я прыгаю на два часа назад – по-моему, вполне достаточно, чтобы отменить моё предыдущее пребывание здесь. Выхожу из машины... Я не ошибся!

Андромеда прикована к скале. Подхожу к ней и проделываю прежние манипуляции с лазерным ножом. Освобождённая Андромеда уговаривает меня поскорее уйти, чтобы не попасть на обед дракону, но я хладнокровно сажусь на тёплый камень у самого моря и начинаю рассказывать ей древнегреческие мифы. То есть это для меня они древние и мифы, а для неё – самая свежая новость. Она внимает мне с восхищением, а я с тоской думаю, что мне придётся убить животное. Пусть оно с извращёнными повадками, но самому! А у меня-то извращённых повадок нет!

И ещё одна мысль волнует меня: ведь я уже раз прилетал сюда, не произойдёт ли катастрофической встречи двойников? И что тогда? Вот сейчас закружится туман силового поля, и на берег моря выйду я сам, собственной персоной...

Я смотрю на часы. Такая встреча должна была произойти ещё пять минут назад. Хроноклазма не состоялось. Очевидно, последующее путешествие в тот же самый отрезок вре-

мени автоматически снимает предыдущее. Впрочем, я не могу утверждать наверняка: я не настолько хорошо знаю теоретические основы передвижения во времени.

Но, как бы то ни было, всё произошло как можно лучше: зачем мне ещё и я? Хватит разобрататься с одним драконом. А вот и он...

Так же вскипает вода и показывается отвратительная голова дракона.

Андромеда вскрикивает и прижимается ко мне.

Я стою, решительно сжимая рукоятку лазерного ножа и стараюсь оживить в себе древние охотничьи инстинкты. У предков-то их полно было...

Дракон вышел из моря и по мелководью приближается ко мне, к нам. Шлёпая лапами по воде и поднимая брызги.

Я поднимаю лазерный нож, бью мелкими короткими вспышками – чтобы убить, поразив нервные узлы, а не перерезая пополам – иначе здесь будет ещё одно море, море крови. Но я плохо знаю анатомию динозавров, знаю лишь, что у них два мозга – в голове и крестце. На всякий случай поражаю оба. Последним лучом пронзаю дракону сердце: оно тоже играет важную роль в нервной деятельности, помимо основной функции.

Динозавр убит, но не падает. Он застыл в неподвижности – должно быть, я задел соответствующий нервный узел, и его парализовало. Так он и будет стоять, пока не разложится.

Вот и всё. Схватка закончена. Я провёл её не хуже робота. всё получилось гораздо чище – почему я не вооружил его лазером? Стоп. Я помню? Помню всё, что произошло в тот раз? Но тогда это помнит и Андромеда... Нет, всё правильно, я ведь находился в Машине Времени, ограждённый силовым полем от нормального потока времени – потому и сохранил память. А Андромеда не помнит ничего, для неё всё произошло впервые.

Я беру её за руку и веду к машине. Она смотрит на меня с затаённой любовью – ведь я её спаситель. Я, а не какой-то там Персей. И вообще неизвестно, кто был этот самый Персей, и почему его имя вдруг попало в мифы? Откуда они его взяли, эти древние? Откуда он появился? Я не обнаружил здесь никаких его следов. Но надо спешить, скоро сюда должны явиться те, кому поручено проверить, принята ли жертва... А может, Персей был одним из жрецов? И захотел примазаться к чужой славе? Но у него ничего не получится – Андромеда идёт со мной. Я её никому не отдам!

Надо спешить... но я не могу спешить, когда рядом со мной такая девушка. Я иду медленно, как и положено идти герою, только что победившему огромного дракона.

Я ступаю, не торопясь, и в мокрый песок впечатываются следы моих сандалий производства обувной фабрики «Персей», которая по странной прихоти кого-то из модельеров-конструкторов помещает на подошвах перевернутое, зеркальное отражение своего товарного знака.

И вдоль всей цепочки следов, причудливой линией протянувшейся от пустых цепей, которыми была прикована Андромеда к скале, вдоль по мокрому от брызг прибоя берегу моря; и так неожиданно обрывающейся, будто идущие поднялись в воздух, в безукоризненно выполненном овале на правильном древнегреческом языке отчётливо читается: «Персей», «Персей», «Персей».

А вдалеке стоит окаменевшая туша дракона.

Коллекционер

Люди собирают коллекции не потому, что им это нравится. Просто сидит внутри какой-то жучок, или пчёлка, и подзуживают: собирай марки, собирай спичечные этикетки, собирай значки, собирай флакончики из-под духов, собирай пивные бутылки, собирай, собирай, собирай...

Он коллекционировал «спасибо» и «пожалуйста». Только «спасибо» и только «пожалуйста». Никакие «благодарю Вас» или «будьте добры» не могли смутить его душевный покой. И не потому, что они занимали слишком много места, были достаточно тяжеловесны и несколько архаичны, не потому, что встречались довольно редко – наоборот, настоящего коллекционера всякие раритеты только привлекают, а никак не отталкивают, – а вот не нравились они ему – и всё.

Хотя, может быть, и не нравились именно потому, что занимали слишком много места – а квартира у него была однокомнатная, – были достаточно тяжеловесны и несколько архаичны и встречались достаточно редко, что, согласитесь, всё же препятствует регулярному пополнению коллекции. Кроме того, ему казалось, что от них несёт анахронизмом – пусть слегка, почти незаметно, но несёт. А он любил современность.

Начал он собирать, как обычно и начинается всякая настоящая коллекция, с малого, почти случайно: ехал как-то в троллейбусе (или в автобусе – точно сказать трудно, да это и неважно) на работу – мелкий клерк одного из многочисленных учреждений, делающих деньги на разрешении разрешённого, пересогласовании согласованного и контролировании не требующего контроля. А может, перепродажей проданного – в последнее время данная деятельность стала не только прибыльной, как и во все века до сего, но и модной, что повышало престиж человека, ей занимающегося.

Ехал он, значит, в троллейбусе и стоял возле компостера на задней площадке – хоть и очень не любил это место, но другого не было, какое досталось. Не любил именно потому, что приходилось часто клацать компостером, пробивая талоны. Нудная была работа, а платить за неё не платили.

И вот он брал талоны – иногда вместе с «прокомпостируйте, пожалуйста», иногда люди передавали молча – щёлкал компостером и возвращал назад. И так заработался, почти увлёкся, что спохватился только, когда водитель – спасибо ему! – объявил его остановку. Он рванул к двери и успел вывалиться из неё до того, как она закрылась.

На улице, оправляя помятую одежду, он обнаружил, что всё ещё продолжает зажимать что-то в руке. Сначала подумал, что талон – и дёрнулся было вслед за отъезжающим троллейбусом, – но понял, что опоздал, и развернул смятое.

Это оказалось «пожалуйста» – маленькое, но аккуратное и не лишённое симпатичности. Его передала ему девушка, очень похожая на своё «пожалуйста». В других обстоятельствах он попытался бы с ней познакомиться, но сейчас, когда спешил на работу...

В конторе, положив «пожалуйста» на стол и ещё раз разгладив, он задумался. У всех было хобби. Кто-то занимался подлёдной рыбалкой, кто-то ходил в баню, кто-то коллекционировал монеты. И только у него до настоящего времени не было подобного увлечения. И вот теперь оно появилось: он решил собирать «пожалуйста» и «спасибо». Да, и «спасибо», потому что «спасибо» девушки, как оказалось, тоже осталось с ним – оно приклеилось к тулье шляпы, когда он рванул к двери, – что он и обнаружил, снимая шляпу и приложив немало трудов, чтобы оторвать «спасибо», не повредив.

Но, возможно, всё началось совсем не так и не тогда, а позже (или раньше), когда он ехал в таком же автобусе или троллейбусе, когда у него было плохое настроение. И вовсе необязательно он стоял у компостера. Просто с плохим настроением в общественном транс-

порте лучше не ездить, а лучше пройтись пешком – прогулка хорошо успокаивает нервы. Но он поехал, и вот что из этого вышло: он не отвечал ни на одно «пожалуйста» и «спасибо», с которыми к нему обращались люди, просившие передать талон, не возвращал их, и в результате у него скопилось некоторое количество «пожалуйста» и «спасибо». Сначала он хотел их выбросить, но потом передумал и сунул в карман. Дома рассмотрел как следует, и удивился: все они были разные. Казалось, в них отражались особенности бывших владельцев. Вот тогда-то он и подумал: «А не начать ли собирать коллекцию?»

С тех пор все поездки в общественном транспорте, которые прежде он считал пустой тратой времени, стали источником постоянного пополнения коллекции. Каждый день обязательно попадалось что-то новое.

Обычно он сам занимал место возле компостера или в непосредственной близости – там, где вероятность получить «пожалуйста» и «спасибо» была выше всего. И он стоял, клацая компостером и собирая урожай. При этом обычно молчал, чтобы не расходовать свои «пожалуйста» и «спасибо», а иногда хитрил – чтобы не прослыть совсем невежливым: ездить-то приходилось в одно и то же время, так что и люди рядом ехали, в общем, знакомые, – новое и хорошее «пожалуйста» оставлял себе, а дальше передавал своё, старое, тусклое, из дубликатов, иногда тронутое молью.

Он научился хорошо различать, какое «пожалуйста» можно оставить себе, какое передать дальше, а что и вернуть владельцу, возможно, также пытающемуся схитрить.

Случалось, он пробивал «пожалуйста» вместе с талончиком: одни специально – если они чем-то не нравились, вторые по забывчивости, особенно если он отвлекался, погруженный в свои мысли – со временем всё реже попадались оригинальные вещи у компостера, – и на просьбу «пробейте пожалуйста», пробивал это самое «пожалуйста», то есть поступал буквально просьбе, – продолжая держать в руках талончик. Или вбрасывал «пожалуйста» в кассу – на тех маршрутах, где они сохранились – и смотрел жалостливыми глазами, как оно проворачивается, розовое, хрустящее, под лопатками резиновой ленты, пока не увлечется в монетосборник. Он знал, что, попадая под град монет, встряхиваясь на ухабах дороги, «пожалуйста» к концу рейса сотрётся чуть ли не в труху, и не будет больше ни на что годно.

Потом, когда у него скопился целый ворох троллейбусных «спасибо» и «пожалуйста», до него дошло, что их можно собирать не только в общественном транспорте, но и в других местах, благодаря чему коллекция значительно расширилась. Вообще-то транспортные «пожалуйста» и «спасибо» ему не очень нравились – их разве что было много, а так они были слишком уж легковесными – почти такими же, как и талончики или билеты. Вот разве что если кто-то по ошибке отдаст другое... скажем, ателейное (или ательёвое?) – пришёл человек в ателье за костюмом, уже и «спасибо» приготовил, зажал в руке, а оказалось, что костюм ещё не сшили. Вот «спасибо» и не пригодилось в ателье. И пошёл человек без костюма, держа в руке «спасибо». Зашёл в троллейбус, передал талончик на компостер и когда получал его обратно, отдал пробившему «спасибо». Но такое, разумеется, случалось не часто.

Однажды произошёл случай, глубоко возмутивший нашего коллекционера: ворвался в троллейбус какой-то взлохмаченный парень и протянул талон с нелепым «пробей-ка». Он тогда мстительно оторвал «-ка», пробил «пробей» и вручил оторопевшему парню.

Он так долго собирал «пожалуйста» и «спасибо», что теперь прекрасно в них разбирался. Вечерами сидел за столом, на котором всегда раскладывал коллекцию и перебирал новые экземпляры. Вот это – жёваное и измятое, явно цедилось сквозь зубы, да к тому же жёлтые и прокуренные. И от этого на «пожалуйста» остались длинные следы и неприятный запах. Придётся его, пожалуй, основательно почистить скипидаром, иначе таким его никто не возьмёт, или покосятся с осуждением...

Он не любил и не брал монстров типа «большое спасибо», «огромное спасибо», или даже «преогромное спасибо» – само «спасибо» болталось на них, как хвост на слоне, а вот

чем было всё остальное – неизвестно. Пузырь, просто пузырь, занимающий место – никакой тяжести, весомости.

Попадались ему и обычные легковесные «спасибо», но с ними он научился обращаться – он их склеивал. Склеивал друг с другом для увеличения веса, причём так наострился, что никто ни разу не заметил места склейки, да и расклеиваться они не расклеивались. Он давно понял, что бывают ситуации, когда хорошее весомое «пожалуйста» может очень даже здорово помочь.

Для пополнения коллекции – в частности, для более успешного получения новых «пожалуйста» – он придумал множество уловок. Например, такую: на улице, обращаясь к прохожему – якобы с какой-то просьбой, вроде «который час?» или «как пройти?» – он предварительно говорил: «скажите: «пожалуйста»...», причём говорил так, что у него звучало как «скажите пожалуйста», т. е. «пожалуйста» в его речах было не настоящим «пожалуйста», а всего лишь словом – не все люди могут хорошо различать настоящее «пожалуйста» от такого же простого слова. Ничего не подозревавший человек говорил «пожалуйста» и тогда он тут же забирал его. А дальше спрашивал какую-нибудь мелочь, ерунду, или же молол такую чушь, что человеку было неудобно принимать от него «спасибо» и, таким образом, он сэкономил ещё и «спасибо».

К сожалению, не все знали, что после «скажите пожалуйста» надо говорить «пожалуйста», многие говорили «да?», а зачем ему было нужно «да»? «Да» он выбрасывал сразу.

«Вот если бы всех людей научить правилам вежливости! – мечтал он. – Сколько б тогда «пожалуйста» и «спасибо» у меня накопилось! Все бы говорили мне «пожалуйста» и «спасибо», а я бы – никому!»

Но, разумеется, так просто ни «спасибо», ни «пожалуйста» ему не давали, за них приходилось и работать – чтобы получить нечто более весомое, чем транспортное «спасибо» – то старушку через дорогу перевести, то в очереди за кого-то из сотрудников постоять, то втащить что-нибудь тяжёлое на девятый этаж без лифта, гвоздь загнуть... да мало ли дел для человека может отыскаться, если он их сам ищет?

Однако он любил, чтобы его просили – ведь только таким способом он мог получить «пожалуйста», да и не одно. «Эх, работал бы я в сфере услуг! – думал он. – Или хотя бы сантехником. Вот было бы хорошо!» Но он хорошо знал, что в любой профессии есть как свои плюсы, так и минусы.

Когда его о чем-то просили, он всегда соблюдал чувство меры, не заставлял долго просить, – чтобы просившему не надоело и «пожалуйста» вышли повесомее, – иначе они сильно теряли и в весе и искренности. «Вот уж действительно: потеряешь в количестве – приобретёшь в качестве, – думал он, сжимая в руках очередное «спасибо» и два «пожалуйста», которые получил перед этим, – вчера были три «пожалуйста», а весили гораздо меньше...»

Квартира его походила на огромный склад «пожалуйста» и «спасибо». Стоило задеть, скажем, картину, как на голову сразу падало тяжеловесное «спасибо».

В его коллекции были и уникальные экземпляры: например, двойное «спасибо-спасибо» и даже тройное «спасибо-спасибо-спасибо». Двойные и тройные «пожалуйста» встречаются всё же значительно чаще, хотя и бывают при этом покрыты лёгким налётом иронии, которая, однако, не очищается даже патентованными пятновыводителями.

Он складывал коллекцию, группируя по тональностям и эмоциональным оттенкам и окраскам. Так, в одном ящике лежали иронические «спасибо», в другом – иронические «пожалуйста». Были также и чуть ли не угрожающие «спасибо», причём с довеском типа «ну, спасибо, удружил». Одно высокомерное «пожалуйста», брошенное ему в полированных коридорах, пришлось даже распилить надвое и поставить на петлях, иначе в квартире оно не вмещалось, упираясь в потолок. Хорошо ещё, что он было без «голубчика». С «голубчи-

ком» ему попадались раньше, и все приходилось выбрасывать – уж очень скоро «голубчик» протухал, а вслед за ним протухало и само «пожалуйста».

Между тем начал он замечать – по прошествии какого-то времени, – что с коллекцией творится что-то неладное: появился запах, завелась моль... «Всё это потому, что я брал без разбора, особенно поначалу, – размышлял он, выгребая полный совок гнили, – вот и попались недоброкачественные «пожалуйста» и «спасибо». Надо впредь быть внимательнее... Не пересыпать ли нафталином?» Но он представил, каково будет людям принимать от него пронафталиненное «пожалуйста»... – и отказался от этой мысли.

Теперь он более тщательно рассматривал всё попадающее ему в руки и неподходящие – неискренние – возвращал сразу. А однажды ему встретилось фальшивое «пожалуйста». Он долго вертел его в руках, как диковинку, и не знал, возвращать, или нет. Потом всё же решил взять, но поместить в раздел курьёзов.

Были у него и импортные вещи: два «мерси», одно «силь ву пле» и неведомо как затесавшееся «хау ду ю ду». Впрочем, он не знал английского, и потому ему простительно. Иностранские, хоть и без фирменных этикеток, он хранил отдельно – на всякий случай, чтобы наших не испортили. Использовать их он всё равно не мог, на обмен тоже не годились, ну а так – друзьям показать – почему бы и не оставить?

«Может, заняться обменом, что ли? – иногда подумывал он. – Завести переписку с границей... Ну, и что мне это даст? Там ведь всё точно такое же: вежливо-равнодушные, искренние, презрительные... Содержание такое же, разве что форма иная. Посмотреть любопытно, а пользоваться нельзя. Нет, некоторые, конечно, пользуются, – он вспомнил, как выбросил несколько случайно попавших к нему небольших «пардонов», скроенных на отечественный лад, и усмехнулся. «Вот же была охота кому-то заниматься, – подумал он, – лишь бы материал переводить. А качество не то. Души за ним нет, за этим «пардоном». Своё-то, правда, тоже такие встречаются...»

Так или иначе, а продолжал он собирать только отечественные «спасибо» и «пожалуйста». Только начал замечать в последнее время, что очень уж редко они стали попадаться. Неужели так много коллекционеров развелось?

Кто казнит палача?

– Встать, суд идёт! – за многие столетия старинная формула судебной практики не изменилась. Даже теперь, в XXXIII веке. Но это был последний суд на Земле,

– Мы собрались здесь, – сказал председатель, – на наше последнее судебное заседание, чтобы определить судьбу последнего преступника в мире...

– Я не преступник! – рванулся с места подсудимый. – Я – Палач!

– Нет, ты преступник, – ласково возразил председатель. – Ты был Палачом, верно, мы сами избрали тебя на этот пост, но вспомни – по твоему собственному согласию. Ты сам захотел стать Палачом.

– Да! Потому что верил вам, потому что считал, что так нужно для всех, для всего мира. Кто-то всё равно должен был стать Палачом, чтобы уничтожить оставшихся преступников.

– Правильно. Уничтожить, потому что это – единственное средство. Потому что сознание человека, совершившего преступление – перерождённое сознание, факт преступления отсюда не вытравишь ничем, даже стиранием памяти. Поэтому нам и нужен был человек, способный выслеживать и уничтожать оставшихся преступников – их ведь оставалось не так много. Но и не так мало, чтобы общество могло избежать их вредного влияния. Если болезнь не подавить в зародыше, она охватит весь организм. Поэтому нам и нужен был Палач. Но, – председатель помедлил, – мы, к сожалению, не учли одного: ты оказался слишком слаб. Уничтожая преступников, ты сам стал преступником. Сознайся, ты ведь убивал их с удовольствием?

– Да, – ответил подсудимый и по залу прокатился гуд изумления. – Но лишь потому, что был уверен, что делаю нужное дело, что так будет лучше... для всех. Я убивал их с мыслью о том, что это необходимо, что с моим последним выстрелом зло на Земле окончательно исчезнет. Исчезнет, чтобы никогда больше не возродиться.

– Однако оно возродилось – в тебе, – возразил председатель. Тебе понравилось убивать, – продолжал он, – кто поручится, что ты не захочешь убивать и впредь?

– Люди! – обратился он к залу. – Можем ли мы терпеть рядом с собой убийцу?

Зал негодуяше зашумел.

– Видишь, – обратился председатель к бывшему Палачу. – Весь народ говорит «нет». Ты заслуживаешь смерти. Но, – председатель поднял вверх руку, – ты не будешь забыт. Мы установим тебе памятники во всех городах. В глазах людей ты останешься героем, избавившим мир от зла. Отныне мы можем жить спокойно и счастливо.

– Хорошо, – подсудимый опустил голову. – Я согласен умереть, если это нужно. Я стал Палачом, потому что это было необходимо для мира, теперь я отдаю за это жизнь. Раз вы так решили...

– Но кто убьёт меня? – он снова поднял голову. – Кто нажмет кнопку излучателя? Кто станет убийцей Палача?

– Мы подумали об этом, – кивнул годовой председатель. – Убийцей не будет никто. Перед каждым сидящем в зале – кнопка. Их нажатие замыкает цепь излучателя... мы все одновременно нажмём кнопки. И никто не будет считать себя убийцей. Мы сделаем это... ради будущего.

Высокий протяжный вой сирены прорезал тишину зала.

– Это сигнал, – поднял руку председатель. – По второму сигналу нажимаем кнопки.

ВСЕ кнопки были нажаты одновременно.

Ослепительная вспышка испепелила пространство, где только что стоял подсудимый. Всплеск пламени рассеялся в воздухе.

«Как легко, – подумал председатель. – Я и не знал, что так легко убить человека: всего одно нажатие кнопки... Как легко!»

«Как легко». «Как легко ...» «Как...»

В лесу родилась Ёлочка

В лесу родилась ёлочка,
В лесу и умерла.

Между двумя строчками протекла вся жизнь ёлочки – сначала юной и неопытной, а затем всё более и более умудрённой, со свисающими вниз гру... пардон, ветвями.

Представьте общую картину: дремучий лес вокруг, толстая подушка осыпавшейся хвои покрывает землю под ёлочкой. Если бы человеку пришлось жить в окружении своих осыпавшихся волос, я не уверен, что он смог бы прожить столько, сколько прожила ёлочка. Но вернёмся именно к ней.

Так и видишь эту елочку, которая всю свою горькую жизнь (а еловая хвоя очень горькая!) ждала-ждала кого-нибудь вроде прекрасного принца, да так и не дождалась. Под конец своей горькой жизни она была согласна на любого принца, пусть и не прекрасного, пусть даже в виде пьяного мужика, который, томимый отнюдь не духовной жаждою (хотя спиритус вини очень можно представить в виде духа. Недаром вольный перевод библейского выражения «дух крепок, а плоть слаба» звучит как «водка ещё хорошая, а мясо протухло»), в предвкушении близлежащей выпивки представляет, как зелёные ветви елочки превращаются в зелёного змия, и как этот змий с вожделением высасывает его печень... Что поделаешь, диалектика природы: ядущие да будут ядомы!

А может, всё было наоборот, и ёлочка пряталась от гикающих и свищущих возчиков, стремящихся как можно скорее набить розвальни зелёными красавицами (позеленевшими от морской болезни, проистекающей от качки на высоких сугробах в расшатанных розвальнях), а потом, потом... Ну, дальше ближайшего трактира фантазия у возчиков не простиралась, не будем и мы особенно углубляться в данную тему.

А как она умерла? К сожалению, никаких сведений о том не имеется. Возможно, она пала, испепеленная вспышкой Тунгусского метеорита, а может быть, вспышкой испытательного ядерного взрыва. Может быть, её заживо сгрызли жуки-древоточцы, а может, она всю жизнь чахла, медленно удушаемая выбросами соседнего химического комбината.

Ничего не осталось от её жизнеописания, лишь две строчки – о рождении и о смерти, которые каждый может заполнить так, как ему хочется.

То есть, финальная фраза данного двустишия может заключать в себе как великое разочарование, так и великую надежду, так и полное удовлетворение всех желаний, особо радостное тем, что жизнь сложилась именно так, как должна была сложиться.

Так не будем же горевать по поводу и без повода! А поднимем свои бокалы и сдвинем их разом во здравие всех ёлочек, растущих ныне и будущих расти присно и во веки веков!

В лесу родилась ёлочка,
В лесу и умерла...

Абсолютная неуязвимость

Каменная глыба, сорвавшись со скалы, ударилась о его плечо и разлетелась мелкими осколками. А он ничего не заметил, продолжая идти, неподвижно глядя перед собой.

Когда он проходил у реки, из воды высунулся крокодил, щёлкнул челюстями, схватил его за ногу, тут же выпустил и, подвывая от боли в сломанных зубах, нырнул в реку. Обычно крокодилы молчаливы, у них нет голосовых связок, но случай был уж больно неординарный.

Два вооружённых туземца выскочили из кустов и закричали человеку, чтобы он не пересекал границу их племени. Но человек не слышал, и тогда вооружённые принялись стрелять. Пули веером рикошетировали от груди, а он не замечал их. Да и кто может заметить пулю – хоть обычную, хоть рикошетирующую?

Извергающийся вулкан, по склону которого человек начал подниматься, плевался лавой и швырялся камнями. Тут человек на мгновение остановился, вспомнив, «Маленького принца» Сент-Экзюпери, но сразу двинулся дальше, по колена в раскалённой лаве, подумав, что вулкан чем-то схож с ним самим. Вот только ни рычать, ни плеваться ему нельзя, пусть даже не лавой и не камнями – потому что он человек.

Из собравшихся вокруг жерла вулкана туч, решивших поглазеть на невиданное зрелище, срывались молнии. Они ударяли в жерло, намереваясь укротить его или раззадорить ещё больше, другие били в человека... но ни тот, ни другой не обращали на них ни малейшего внимания.

На вершине вулкана человек остановился и огляделся по сторонам. На Земле больше делать нечего.

Он легко оттолкнулся ногами и понёсся, пронзая собой пространство.

На пути попало Солнце – он проскочил его насквозь, даже заметив, что же мелькнуло там, за плотно сжатыми веками?

Через некоторое время ему надоело огненное мельтешение пронзаемых звёзд, и он пошёл пешком – над тёмными глубинами космоса, где далеко-далеко внизу светились лёгкие точки звёзд и огоньки галактик. Под ногами едва проминалась тонкая пространственная плёнка, чуть пульсируя в такт его шагов.

Он шёл, а вокруг него взрывались звёзды и разрушались галактики. Но он ничего не видел и не слышал вокруг, потому что в его сознании стучали слова: «Она не любит меня! Она не любит меня! Она не любит меня!»

Мастер и Маргарита – Маугли

Классики и современники: новое прочтение

Она несла в руках отвратительную, тревожно жёлтую сумку. Меня привлёк не фасон её, не качество изготовления или отделки – меня привлёк цвет.

Повинуясь этому жёлтому знаку, я пошёл по её следам.

Внезапно она заговорила:

– Нравятся ли вам цвет моей сумочки?

Я ответил:

– Нет.

Она поглядела на меня удивлённо, а затем спросила:

– Вы случайно не дальтоник?

В голосе её была, как мне показалось, враждебность.

– Нет, я люблю не такие цвета, – сказал я.

– А какие?

– Красный и оранжевый.

Она щёлкнула застежкой сумочки, размахнулась и бросила под остановившийся на перекрёстке «Мерседес».

Раздался взрыв, и на месте машины расцвёл Красный Цветок.

– Так лучше? – спросила она.

– Гораздо, – отозвался я.

Она продела свою руку в чёрной перчатке с раструбом в мою, и мы спокойно пошли рядом. Бегущий человек привлекает внимание.

Новый дворник

Робот блистал хромом и пластиком. Многочисленные ножки и метелочки, высовывающиеся в самых неожиданных местах, а также присоски на длинных щупальцах красноречиво говорили о том, что для него нет и не может быть недоступных мест: он повсюду доберётся и произведёт уборку надлежащим образом. Что он, собственно, только что и продемонстрировал: улица блистала чистотой.

Собравшиеся с восхищением смотрели на робота, а он скромно сиял в отсветах многочисленных вспышек и ничего не отвечал на задаваемые вопросы. Но не от скромности, а по причине отсутствия звукового тракта.

За него отдувался генеральный конструктор:

– Создав данного робота, мы осуществили вековую мечту человечества: навсегда избавились от тяжёлого малоквалифицированного труда! Теперь человеку не придётся ходить с метлой и тряпкой, подметая и вытирая пыль! И он сможет все силы направить на духовное развитие! – закончил генеральный конструктор.

Ситив молча стоял в сторонке. Его, как любого малыша, привлекали блестящие вещи, и он не торопился расставаться с ними и после того, как вырос. Впрочем, не то ли самое делает каждый мужчина, любясь новеньким сверкающим автомобилем?

Но не об этом думал Ситив, глядя на блистающего металлом и глянцем робота. Ему было очень жаль свою детскую мечту: он хотел стать дворником. Он понимал, что теперь осуществить её не удастся: на пути встанут машины. И что останется на его долю? Космическим перелетам требовалось не так много людей, забираться под землю страшно, воды он боялся с детства...

Что оставалось ему? Бесцельное слоняние по улицам да просиживание штанов в пабах и компьютерных салонах?

Ситив посмотрел на прислонённую к стене метлу и висящие на ней дворничьи рукавицы и фартук – кто-то из журналистов, желая ярче оттенить контрасты, принёс и поставил старинные атрибуты рядом с роботом, как символ смены эпох.

А что, если? Быстро оглянувшись – никто не обращал на него внимания – Ситив подошёл к метле, надел фартук и рукавицы и стал мести.

Шоркающий звук прутьев прервал клацанье фотоаппаратных затворов. А затем объективы уставились на Ситива.

– Мальчик, что ты делаешь? – первый подскочивший к нему репортер задал первый вопрос.

– Мету, – спокойно ответил Ситив.

– Но зачем?

– Мне нравится работа дворника.

– Но... но сейчас изобретён такой чудный робот!

– Ну и что? – Ситив остановился и повернул голову. – Мне нравится, как метла чиркает по тротуару.

– Но это грязная и не престижная работа! Ведь разгружать пылесборник метлы приходится вручную! – вмешался главный конструктор.

– А работа кто будет разгружать? – парировал Ситив.

– Там предусмотрено автоматическое удаление, – снисходительно усмехаясь, пояснил главный конструктор.

– А мне нравится мести! – упрямо повторил Ситив.

– А как насчет духовного развития? – не отставали репортеры.

– У меня будет масса свободного времени, – кивнул Ситив. – И потом: когда я мету, я ведь думаю.

– О чём? – иронически спросил главный конструктор. – О том, куда метёшь?

– Обо всём, – просто ответил Ситив. – Почему взрываются звёзды, как устроен атом? Я даже пишу об этом стихи!

– Гм... Да... Но почему для этого обязательно быть дворником?

Ситив промолчал. Ну как он мог объяснить репортерам, в поисках сенсаций стершим ноги до колен, как это важно: осуществить свою мечту?

Невидимки

На мой висок легло вполне ощутимое колечко пистолетного ствола, и послышался шёпот:

– Или ты повторяешь то, что я тебе скажу, или... – я услышал характерный щелчок взводимого курка, и голову качнуло. – Повторяй: наш правитель – самый мудрый и великий из всех!

– Наш правитель самый мудрый и великий из всех, – послушно произнесли губы. А глаза безуспешно пытались скосить в сторону источника голоса – чисто инстинктивно: я знал, что никого там не увижу.

Так значит, слухи о невидимках оказались правдой? Вот они и до меня добрались.

Я осторожно поднял правую руку и провёл у виска. Рука не встретила никакого сопротивления, а холодок дула остался.

Послышался ехидный смешок:

– Разве тебе никто не рассказывал? Мы бесплотны. А вот пуля в стволе, – тон голоса снизился до угрожающего, – вполне реальна. Хочешь проверить?

– Н-нет... – пробормотал я. Если уж верны слухи о невидимках, значит, не следует проверять, сможет ли твоя голова разлететься переспелым арбузом от выстрела в упор. Тем более что однажды я стал свидетелем подобного.

Просто тогда я не знал, не верил, что орудуют невидимки, думал – снайпер. Тот человек вёл себя довольно странно: говорил сам с собой (но кто знает, может, на самом деле по сотовому телефону со скрытой гарнитурой), потом вскочил и закричал что-то вроде «Да пошли вы все!» – и тут же упал, и из виска его хлынула кровь.

Воспоминание оказалось достаточно живучим, чтобы сейчас предстать передо мной во всех подробностях.

И одна из подробностей – синий конфетный фантик, случайно оказавшийся на пути красного ручейка крови и корабликом поплывший по нему.

Я машинально посмотрел на землю перед собой. Нет, конфетных фантиков поблизости не наблюдалось. Но, несмотря на это, я постарался договорить всё, что нашептывал на ухо голос невидимки, с возможно большей убедительностью. И с облегчением почувствовал, что холодящее висок колечко ствола исчезло.

А потом стало мучительно стыдно. Как я мог! Но альтернативой покорности выступала смерть, а я пока не считал себя вправе ценить свободу дороже жизни.

Вечером, в гостях у друга, на кухне, я рассказал о произошедшем.

– Да, ситуация, – потянул он, разливая по третьей. – Видишь, и тебе досталось.

– Но почему их никогда не бывает здесь? – я обвел руками кухню. – Что бы ни говорили!

И в доказательство я произнёс:

– Наш правитель – узурпатор! Он прессует всех своей властью...

Сказав это, я прислушался: не слышен ли где знакомый шёпоток? Не касается ли виска ствол? Нет, ничего подобного я не ощущал.

– Может, микроволновка влияет? – предположил друг.

– Так она не включена, – возразил я.

– Ну и что? Её можно включить в любой момент, а невидимки, скорее всего, не могут перемещаться мгновенно. Вот и боятся, что излучение застанет их и уничтожит.

– Вчера я был у Кизима. У него сроду не было микроволновки. И невидимок тоже.

– Тогда, может, заземление какое? Батарей, канализация. Опять же, водопровод!

– Да нет, какая разница! Их, по-моему, в квартирах вообще никогда не бывает. Они реагируют лишь на публичные высказывания, особенно с трибун, на официальных приёмах...

– Во-во! Это ты верно подметил! Мы в курилке на работе порой так его кроем – и ничего.

– Никотина, может, не переносят? – глубокомысленно предположил я.

– В этом что-то есть... – задумался друг. – Хорошая мысль: отпугивающий фактор!

– Ты гений! – одобрил я его, и мы закурили. На всякий случай.

Невидимки стали бичом нашего общества. Они символизировали странный сплав тоталитаризма и демократии, сложившийся с приходом нового правителя. Будучи избранным будто бы на всеобщих выборах (будто бы – потому что всё произошло столь давно, что никто уже и не помнил, как именно всё произошло), он в дальнейшем ограничивался лишь тем, что регулярно проводил референдумы, на которых ему постоянно оказывали перманентное доверие и продляли срок полномочий.

Странности начались задолго до истечения первого срока. Одна из странностей заключалась в том, что никто не мог иметь своего мнения... то есть иметь-то он его, конечно, мог, а вот заявить о нём публично, официально – нет. Стоило кому-нибудь подняться на высокую трибуну (низкая тоже годилась) или попытаться выступить в печати – как рядом появлялся невидимка, приставлял к виску холодный пистолет, и начинал нашёптывать то, что не могло не понравиться верховному правителю и его заместителям.

Тех, кто пытался протестовать, возмущаться, невидимки убивали на месте. Сами же они были абсолютно неуязвимы. Более того – бестелесны! Как это сочеталось со вполне реальными пулями, не понимал никто.

Народ присмирел. До поры до времени. Потому что, несмотря на жесточайший террор, ничто так не раздражает человека, как запрет на что-либо. Люди принялись искать выход – на кухнях, в курилках – словом, в местах, наиболее далеко отстоящих от официальных. И нашли. Они выговаривались всласть, чтобы, не дай Бог, не проговориться где-нибудь в присутственном месте.

Слава Богу, невидимки не требовали от всех и каждого провозглашать непрерывно здравицы в честь правителя. Они лишь не допускали крамольных, подрывных высказываний вслух, прилюдно, в публичных местах.

– Да, мы изгнали наши страхи из себя. Но они материализовались, начали жить самостоятельной жизнью и продолжают мучить нас.

Ошибка киллера

Знакомый бронированный «Мерседес» остановился у киоска, к которому как раз подходил я.

«Выследили! – мелькнуло у меня в голове. – Опять!»

Ни убежать, ни прятаться сил уже не осталось – я все растратил на прежние попытки убежать от погони. Даже упасть на землю не смог, несмотря на ослабевшие ноги. Да и не успел бы я упасть: киллер уже прицеливался, поднимая автомат на уровень глаз.

Стрелять ему приходилось под острым углом, но это мало утешало: с такого расстояния не промахнулся бы и ребёнок, а он таковым не был.

«Серьезно работают, – успел подумать я, – «Узи». И киллер солидный, с шофёром. А на заднем сиденье кто – заказчик или проверяющий?»

Сквозь затемнённые стекла видно было плохо, но мне почему-то показалось, что я его узнал. Нет, не киллера, проверяющего. Узнал, но никак не мог вспомнить, как его зовут. Да и имело ли это сейчас хоть какое-то значение?

«От такой организации не скроешься, – снова заметались мысли. – А им что: на своём «мерсе» легко уйдут от любой погони на любых «жигулях». Может, попытаться удрать ещё раз? Нет, поздно...»

Время словно остановилось. Я видел медленную торжествующую улыбку киллера под раздвигающимися в разные стороны жидкими усиками. Он настолько обрадовался, что забыл про всё на свете. Ещё бы: жирный куш! По иронии судьбы я знал, сколько за меня назначено. От таких денег и я бы не отказался.

Загрохотали выстрелы. Впрочем, мне только показалось, что загрохотали: услышать я их не мог. И не потому, что человек никогда не слышит предназначенной ему пули. Просто при столь совершенной звукоизоляции, которая существует в салоне «Мерседеса» при закрытых стёклах, снаружи не слышно практически ничего.

Ну а что происходит с сидящими в бронированной машине, когда внутри стреляют из автомата – не мне вам рассказывать.

Увлечение ретро

Всё началось с коллекционеров. Со всех этих нумизматов и филателистов, собирателей старинных легенд, сказок и тостов. С любителей старины, другими словами.

Всех охватила ретромания: люди толпами копались на свалках, разыскивая позеленевшие медные подсвечники, лампы и самовары, но не на предмет вызывания джиннов, которые бы выполняли любые желания, а просто так, из прорезавшейся вдруг тяги к прошлому.

Случайно найденная пуговица от кальсон вызвала у нашедшего бурную реакцию, граничащую с помешательством. А уж обрывки жёлтой прессы прошлого века прямо-таки вырывались из рук, порой вместе с руками.

Мода тоже не отставала. Увлечение старинными покроями одежды – но из современных материалов – сменилось подлинными домоткаными холстинами, сначала изготовленными на фабриках, а затем, по мере развития общего психоза, и вручную, по древним методикам, отысканным в пергаментных рукописях и берестяных грамотах. Историки могли торжествовать. И они торжествовали. До тех пор, пока не начался тотальный отход от книгопечатания к пергаментным рукописям и берестяным грамотам.

Вслед за модой на домотканую одежду закономерно подошла мода на лыковые лапти и курные избы.

Когда народ спешно пересаживался со стальных мустангов на обычных лошадей, некоторые скептики утверждали, будто, решая одну проблему, человечество неизбежно создает другую, и приводили в пример Лондон: де, подобное уже было, и город едва не оказался погребённым под неисчислимыми горами конского навоза. Но чудеса генной инженерии, поставленные на службу человеку, и здесь пришли людям на помощь: удачно выведенная порода гигантских жуков-скарабеев (в просторечии – навозников), получивших способность не впадать в зимнюю спячку, успешно решила и эту проблему.

Нельзя не заметить, что движение «Назад к природе!» принесло крупные положительные плоды: отказавшись от атомной энергии и вернувшись к ручным мельницам, люди заметно поздоровели и накачали мускулы, а переселение из бетонных многоэтажек сначала в деревянные дома, а затем и в землянки дало вообще фонтанный эффект оздоровления. Люди перестали нервничать по поводу издаваемых соседями шумов, неработающих лифтов, ночных прорывов канализации и прочих издержек донельзя износившихся мегаполисов.

Дальше пошло ещё больше: повсеместно развернулось соревнование, кто скорее реанимирует очередное ретро чудо. Но победителей не было: уж слишком мощным сделалось движение, и щеголяющий сегодня в рыцарских латах бывал завтра посрамлён соседом, заведшим себе дюжину рабов.

Да, межличностные отношения также приобрели тенденцию к возврату в дремучее прошлое.

– Ах, эта чарующая ностальгия прежних веков! – восторгались дамы, устав подметать полы кринолинами, и меняя их на туники и пеплосы.

Им вторили отцы семейств, подбирая по руке увесистые бронзовые мечи и выстраиваясь в стальные когорты:

– Довольно быть изнеженными бездельниками! Пора вспомнить изначальное предназначение мужчины!

Словом... что говорить? Мода ли тому виной, или же эволюция ужаснулась полученному результату и спешно поменяла полярность, но в настоящее время большинство людей уже вернулись на деревья и теперь с нетерпением ждут, когда у них отрастут настоящие хвосты, и можно будет выбросить жалкие муляжи из мочала...

Граната в троллейбусе

Чтобы избежать слежки, я пропустил семь троллейбусов и сел в восьмой. И вдруг почувствовал неладное: с остановки я входил один, но никто из имевшихся в салоне пассажиров не повернулся в мою сторону, как обычно бывает.

Но спрыгивать было поздно: двери закрылись, троллейбус тронулся.

«Не может быть, чтобы они специально насажали полный троллейбус агентов!» – попробовал успокоить я себя, но тревога не проходила.

Ко мне приближалась билетёрша с кровожадной улыбкой на губах. Я сунул руку в карман.

– Оплатите проезд! – ехидным голосом произнесла она и достала из чёрной блестящей сумочки... наручники.

И сразу все стоящие на задней площадке пассажиры разом повернулись ко мне, доставая пистолеты. Пространство вокруг оцетинилось стволами. А кое у кого в передней части салона я заметил и автомат.

«Серьезно приготовились», – мелькнула в голове мысль. Я достал из кармана то, чем намеревался оплатить проезд: гранату.

Билетёрша побледнела: она находилась ближе всех к эпицентру взрыва, и шансов уцелеть у неё не было.

А я выдернул чеку, с ладони подбросил гранату в воздух и нырнул, согнувшись, в дверную нишу, на самую нижнюю ступеньку. У меня, в отличие от кондукторши – да и всех, находящихся на задней площадке – шансы были: граната П-5 подобна шариковой мине-лягушке, поэтому лежащий под ней при взрыве может получить всего лишь лёгкую контузию.

Ну а для волков из передней части салона я приготовил обычную гранату, каковую и метнул перед падением, сворачиваясь калачиком, зажмуриваясь и закрывая ладонями уши.

Что взрывом заклинит двери, я не боялся: стекла вылетят обязательно, а значит, выходов у меня будет достаточно.

Так и получилось: если кто и остался в живых после взрыва, то находился в шоке. А мне осталось лишь перевалить через резиновое обрамление окна – стекло выдавило полностью, и оно валялось, целёхонькое, в придорожных кустах. И я, пробегая мимо, не мог не подивиться качеству выпускаемых у нас отдельных стеклянных изделий.

Садртир

Дед Авдей распахнул дверь нужника и непроизвольно чертыхнулся: он совсем забыл о повешенном.

«Это когда же я его повесил-то? – задумался дед Авдей. – Успел завоняться... Нет, не вспомню: склероз».

– Старею, – грустно и вслух произнёс дед Авдей, и, брезгливо отодвинув ногу висящего – она оторвалась от трупа и канула в очко, обнажив белеющую кость – принялся справлять малую нужду.

Сильный запах распада не досаждал: с обонянием у деда Авдея всегда было плохо, а тут ещё и насморк навязался на его голову...

Да и слух у деда Авдея стал не тот, что раньше, а то бы он сразу разобрал тихий обрадованный стон, донёсшийся из очка. И глаза, пока привыкли к полумраку сортира, не могли подсказать, кто же там стонет, барахтаясь по уши в дерьме. Но движения дед Авдей заметил: он всегда по привычке – чтобы не забрызгать досок и они не начали гнить – смотрел, куда оправляется.

Стонала небритая голова, едва возвышаясь над поверхностью дерьма.

«Когда же я его притопил-то? – задумался дед Авдей. – Давненько, поди».

Дед Авдей вспомнил, что и повешенный, и притопленный сделали ему какую-то гадость, иначе бы он не обошёлся с ними так сурово. То ли залезли в сад – но эта провинность была столь мелкой, что хватило бы и обычной порки – то ли хотели украсть поросянка... Вот это преступление было более серьёзным. Скорее всего, так и произошло. Тогда наказание соответствовало.

Но на всякий случай, до той поры, пока, как он надеялся, к нему вернётся память, дед Авдей решил несколько смягчить участь хотя бы одного узника и направил струю мочи прямо в рот мающего. «С одной стороны – уринотерапия, – подумал дед Авдей, – а с другой – балую я его...» Дед Авдей страдал сахарным диабетом, но инсулином не кололся – откуда инсулин в Богом забытой деревне? – и потому в моче всегда присутствовал сахар.

«Пушай побалуется сладеньким, – подумал дед Авдей, – когда ещё придётся? Да и праздник вроде на носу. И мясца заодно погрызёт, разговееется. Или загновеется?»

Дед задумался.

Притопленный настолько проголодался, что вцепился зубами в протухшую ногу сотоварища и принялся, сопя и причмокивая, грызть.

Дед Авдей не был злым человеком, но порядок есть порядок: он стремился, чтобы наказание, по возможности, не слишком далеко отстояло от правонарушения – эту формулировку дед Авдей запомнил ещё с тех пор, когда работал участковым милиционером: память у него в то время была много лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.